

В.М. Ефимов

д.э.н., независимый исследователь, Франция

О ДВУХ ТИПАХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ (Часть 2. Начало статьи в ВТЭ в №1, 2018¹)

Аннотация. Вторая часть статьи нацелена на понимание существующего в настоящее время в России социального порядка. Автор исходит из того, что для того чтобы понять современный российский социальный порядок, в частности, его генезис, его ни в коем случае нельзя рассматривать изолированно от мирового порядка, который, в свою очередь, в значительной степени определяется социальными порядками, существующими в западных странах и прежде всего в США. Западному социальному порядку, который я обозначил как монетарный социальный порядок, была посвящена первая часть статьи. Хотя молодой Петр I прибыл в Англию практически сразу после возникновения в этой стране монетарного социального порядка, его внимание привлекала исключительно технологическая сторона современного по тому времени материального обеспечения армии и флота. Как такое обеспечение организовано в рамках монетарного социального порядка его совершенно не интересовало, так как он знал, что сможет решить эту проблему на базе рабского труда крепостных крестьян. В Англии абсолютизм был подорван, в частности, протестантством, в России же русское православие успешно содействовало его стабильности. Набожные русские крестьяне глубоко верили, что их помещики служат помазаннику божьему, а отсюда их долг беспрекословно служить помещикам. Мало того, принятая русским народом концепция «Москва – Третий Рим» обосновывала мессианскую роль русского государства и его православного народа. Николай Бердяев назвал советский строй крепостным, а концепцию коммунизма, на осуществление которого на земле была нацелена деятельность Третьего Интернационала, продолжением русского мессианства. Холодную войну, развязанную Западом против СССР, можно рассматривать как ответ на это мессианство.

Ключевые слова: *патрональный социальный порядок, русское мессианство, холодная война, однополярный мировой порядок, социальные сети.*

Классификация JEL: F5, N4, P1, P2, P3, P4.

Методологическое введение

Анализ существующего в настоящее время в России социального порядка в статье построен на основе методологии исходного (original) институционализма [Ефимов, 2016a]. Один из главных основателей этого направления экономической мысли Джон Коммонс вместе со своими студентами проводил анализ, разбирая, укладывая в определенный порядок (*marshalling*) факты, что позволяло продвигаться в понимании рассматриваемых явлений. В статье приводится много фактов или суждений других авторов о фактах, именно поэтому статья (как первая, так и вторая ее части) наполнена многочисленными цитатами. Такой способ анализа и стиль изложения может оказаться затруднительным для восприятия тем, кто привык видеть в публикациях только абстрактные рассуждения (с математикой или без нее), основанные на определенных предпосылках. Исходный институционализм с самого начала был нацелен на изучение социально-экономических порядков². Важнейшей чертой его методологии является исследование социальных порядков путем выявления опривыченных правил, которым следуют акторы в рамках изучаемого порядка.

¹ Ввиду большого объема авторского текста редакция вынуждена разбить представленный материал на две части. Окончание работы В.М. Ефимова выйдет в ВТЭ 1-2019.

² Уолтон Гамильтон был первым, кто ввел понятие институциональной экономики. В 1919 г. он писал: «История экономической науки указывает на то, что выживание часто зависело от того, насколько доктрина соответствовала привычкам мышления своего времени. Если следующее десятилетие потребует формальной теории ценности, которая избежит дискуссий о том, чему подобен экономический порядок, институциональная экономика потерпит фиаско. Если же оно потребует понимания наших отношений с миром, в котором мы живем, то институциональная экономика выживет» [Гамильтон, 2007. С. 117].

Эти правила носят достаточно устойчивый характер и передаются из поколения к поколению. Именно поэтому немецкая историко-этическая школа, продолжением которой и является американский исходный институционализм, уделяла особое внимание историческим фактам. Глубоко понять действующие в настоящее время опривыченные правила можно, только распознав их генезис на протяжении длительного времени. Причем, так как за этими правилами всегда стоят определенные верования-убеждения, то для понимания определенного социального порядка необходимо знать существо этих верований-убеждений. Во второй части статьи, в частности, и прослеживается их динамика.

Несмотря на многочисленные разногласия, существующие между сторонниками экономического мейнстрима и гетеродоксами, представители обеих сторон свято верят в одну и ту же догму: «Теория — это способ, которым мы воспринимаем (*perceive*) “факт”, и мы не можем воспринимать (*perceive*) “факты” без теории» [Фридмен, 1994. С. 44]. Такая методология приводит к тому, что исследователь остается слеп ко всему, что не вмещается в его теоретическую схему, и, таким образом, путь к пониманию исследователем чего-то совершенно нового остается отрезанным. А вот, что мне писал недавно один политолог против методологии используемой мной в этой статье: «Я не верю в некое объективное или независимое изложение социальных фактов, которое дает преимущества одним исследователям перед другими. Социальные факты всегда излагаются в некой субъективной перспективе их наблюдения, описания, изложения, классификации и оценки конкретными наблюдателями, которые пытаются выйти на некие обобщения и закономерности»³. Такое видение конструирования социальных фактов является чисто релятивистским. Институционально закрепленная черта естествознания, а именно предложенное Брюно Латуром понимание научной объективности, связанное с сопротивляемостью объекта исследования исследователю, не оставляет релятивизму места. Он называет в качестве решающего признака действительно объективного научного исследования способность объекта исследования *возражать (to object)* тому, что о нем сказано. Лабораторный эксперимент для него — это создание таких условий, когда «объекты могут предстать в своем собственном праве перед утверждениями ученых» [Латур, 2006. С. 352]. Применительно к социальной сфере сопротивляемость объекта исследования исследователю выражается в одинаковой характеристике событий разными не связанными друг с другом их участниками и/или наблюдателями, которая, так или иначе, фиксируется документально. Документы эти могут быть самого разного типа, от текстов интервью и публичных выступлений до писем и других свидетельств, хранящихся в архивах. Во второй части моей статьи излагаемые факты имеют именно такое происхождение.

Важным источником возможных затруднений восприятия данной статьи является привычка обществоведов к тому, что Джон Дьюи назвал «огульными обобщениями» [Ефимов, 2016b]. Концепции «естественного государства» и «порядка ограниченного доступа» являются у Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011] универсальными, характеризующими существующие в настоящее время социальные порядки для всего западного мира. Методология исходного институционализма отвергает подобный универсализм своих теоретических построений. Хочу сразу предупредить читателя второй части статьи, что вводимое в ней понятие «патронального социального порядка»⁴ развивается мною исключительно применительно к современной России путем последовательного рассмотрения некоторых, важных для понимания генезиса этого порядка, исторических фактов. Я совершенно не претендую на универсальность введен-

³ Этот политолог порекомендовал мне убрать из статьи все разделы, кроме двух последних. По его мнению «статья распадается на ряд фрагментированных сюжетов, из которых не выстраивается общая картина», «это интересные и частные исторические экскурсы, не имеющие отношения к предмету статьи».

⁴ Понятие патронального социального порядка было мною введено под влиянием книги Генри Хейла «Патрональная политика. Динамика евразийских режимов в сравнительной перспективе» [Hale, 2015].

ного мною понятия и его непосредственную применимость ко всем странам и эпохам, где и когда не было главенства монетарного социального порядка.

Некоторыми читателями первой части статьи введенное в ней понятие монетарного социального порядка было воспринято, с одной стороны, как эквивалент понятия капитализма, а с другой стороны, как просто порядок, в котором деньги, в отличие от советской системы, играют важную роль при взаимодействии людей. Напомню, что в первой части статьи *монетарный социальный порядок* был охарактеризован как такой, при котором обладание деньгами, этими универсальными талонами, а тем более правом их создания и контроля, является *важнейшим источником власти*. При капитализме допускается получение дохода на капитал, и в этом смысле можно говорить о средневековом капитализме [Эрс, 2014]. Однако в Средневековье деньги не были *важнейшим* источником власти. Тем более нельзя говорить о существовании монетарного социального порядка в тех странах и в те периоды их существования, где и когда деньги играли важную роль во взаимодействии людей, но в тоже время не являлись и/или не являются *важнейшим* источником власти. Именно это и имело место в России второй половины XIX и начала XX вв. В статье не ставится задача как-то обозначить социальный порядок, существовавший в России в это время. Этот период рассматривается в статье просто как один из этапов движения к действующему сейчас в России патрональному социальному порядку.

Почему Петр I не привнес в Россию монетарный социальный порядок?

В первой части статьи рождение монетарного социального порядка связывалось с возникновением в 1694 г. Банка Англии. Молодой русский царь Петр I имел возможность досконально познакомиться с этим порядком, прибыв в Лондон 11 января 1698 г. и пробыв там со своей свитой до 2 мая в качестве гостя взошедшего в 1689 г. на английский трон голландца Вильгельма Оранского, получившего имя Вильгельма III. Однако царь не воспользовался этой возможностью, деятельность банков и торговля вообще его не интересовали. Его внимание было нацелено на технологии, а не на социальную организацию общества. Это касалось и денег: царь досконально изучил используемую в Англии технологию чеканки монет⁵, но совершенно не интересовался практиками кредитования и использованием банкнот и векселей. Нельзя сказать, что русский царь и английский король стали близки друг другу, «но король распахнул для Петра все двери, открыл доступ на верфи, на монетный двор, на литейные заводы, продемонстрировал свой флот, позволил русским беседовать с кем угодно и делать записи» [Масси, 2015. с. 336]. Скрываясь под чужим именем, царь «странствовал по Лондону, сколько ему было угодно <...> он навещался в мастерские и на фабрики, все время просил, чтобы ему показывали работу всяких приспособлений, и даже требовал чертежи и технические описания» [Там же. С. 321]. Один из английских собеседников Петра свидетельствует: «Он увлекается механикой, и кажется, что он создан природой скорее затем, чтобы стать корабельным плотником, чем великим правителем. Овладение этим ремеслом и являлось главным его занятием, пока он здесь находился. Он немало поработал собственными руками и заставлял всех окружающих трудиться над моделями кораблей» [Там же. С. 326]. Австрийский посол в Лондоне Хоффман писал своему императору в Вену: «Говорят, будто он (царь Петр) намерен цивилизовать своих подданных на манер других народов. Но из всего его поведения здесь можно лишь заключить, что он собирается сделать из них матросов» [Там же. С. 333]. Посетив англий-

⁵ «Самой интересной частью Тауэра оказался для Петра монетный двор. Царь, пораженный качеством английской монеты и техникой чеканки, снова и снова туда возвращался» [Масси, 2015. С. 330].

ский парламент и прослушав дебаты с помощью переводчика, Петр «объявил своим русским спутникам, что хотя считает неприемлемым ограничение монаршей власти парламентами, все-таки “весело услышать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан!”» [Там же. С. 332–333].

В конце XVII и начале XVIII в. перед английской и русской монархиями стояла одна и та же задача, а именно оснастить армию и флот для успешного ведения постоянно происходящих войн. Английский монарх Карл II *закупал* ружья и пушки для своей армии и флота у достаточно многочисленных существовавших в то время в Англии частных производителей огнестрельного оружия [Ffoulkes, 2010]. Деньги на оплату этих производителей Карл II заимствовал у золотых дел мастеров, которые выполняли в то время роль банкиров. Эти банкиры предоставляли свои кредиты английской короне под очень высокие проценты, доходящие до 30% [Goodman, 2009. P. 12]. Сборы налогов не покрывали королевские долги банкирам, и именно по этой причине в январе 1672 года Карл II перестал платить по своим долгам и объявил дефолт. Это привело к разорению многих золотых дел мастеров (банкиров), волны от которого прокатились по всей экономике [Ibid.]. Как уже указывалось в первой части статьи, предотвращение любого повторения дефолта было главным соображением, по которому парламент посадил на трон в 1689 г. голландца Вильгельма III [Ефимов, 2018. С. 10]. По этой же причине и был создан в 1694 г. центробанк – Банк Англии: «Большой силой Банка было то, что в ответ на ранее существовавший страх перед королевским дефолтом по обязательствам короны, он служил в качестве “механизма обязательств”, что делало обещания правительства выплачивать свои долги заслуживающими доверия» [Goodman, 2009. P. 25].

Петр I не вникал во все это во время своего пребывания в Англии наверняка не по причине отсутствия любопытства, которого у него было не занимать, а по той причине, что видел выполнение своей задачи оснащения армии и флота совсем другими методами. Прежде всего, в России к моменту восхождения на престол Петра I не было частного производства ружей и пушек. Тульские оружейники были в то время «казенными кузнецами» [Юркин, 2003. С. 11]. Одного такого тульского казенного кузнеца и заметил после своего возвращения в Россию Петр I. Им был Никита Демидов [Чумаков, 2011]. Сначала царь способствовал расширению его деятельности по производству ружей, пистолетов и пушек в Тульской губернии, а также других местах европейской части России. Но вскоре предприимчивый Никита попросил царя дать ему возможность основать металлургические и оружейные заводы на богатом железной рудой Урале. Быстрый на решения царь издал 9 января 1703 г. указ по которому «стольнику и воеводе Верхотурскому» приказывалось «приписать к демидовским заводам Аяцкую и Краснопольскую слободу и монастырское Покровское село, со всеми относящимися к ним деревнями, крестьянами и угодьями». Если изначально, на момент передачи, за заводом было закреплено 70 человек, то к 1704 году это число выросло до 1200. При этом Демидов автоматически, не будучи дворянином, превратился в одного из богатейших людей государства. Каждый крестьянин обязан был теперь отработать на заводе «в месяц неделю, да на год всякому человеку возить на те заводы по возу сена и по пяти возов соломы». Сам же Демидов расплачивался за нее с казной произведенным железом» [Там же. С. 39]. В своем указе Петр предписывал «ему, Никите, в работу для тех вышеописанных дел отдать Верхотурскому уезду Аяцкую, Краснопольскую слободы з деревнями, и со всеми крестьянами, и з детьми, и з братьями, с племянниками, и землю, и со всякими угоды. <...> А кто из тех крестьян явится ему не послушен, и ему, Никите, тех ослушников и ленивых, смотря по вине, смирать и ботогами, и плетьюми, и железами...»⁶. Итак, задачу оснащения армии и флота царь Петр решал с помощью подневольного труда крепостных.

⁶ www.sentstory.ru/ot-urala-po-sibire-k-azii/arkhitektra-urala-i-sibiri/nevyanskaya-padayushchaya-bashnya.

Пополнение государственной казны Петр I также основывал на труде крепостных крестьян. В инструкции новоучрежденному Сенату Петр I писал: «Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артериею войны» [Ключевский, 1989. С. 116]. Вот как характеризует В.О. Ключевский петровский подход к налогообложению: «Петр видел в податном вопросе только два предмета: солдата, которого надо содержать, и крестьянина, который должен содержать солдата. В ноябре 1717 г., быв в Сенате, Петр сам написал указ, изложенный тем летучим стилем, который поддавался только опытному экзегетическому чутью сенаторов: «Распорядить сухопутное войско и рекруты морские, кроме жалованья, и провиант на крестьян, скольких душ или дворов один, что удобнее будет, солдат и драгун и офицер по рангам кроме генералитета, применяя к податям нынешним, ибо как сие положится, от прочих всех податей и работ свободны будут». Итак, все прямые налоги предполагалось заменить одним военным, подворным ли или подушным, все равно или еще не было решено; этот налог распределялся на крестьян по расчету стоимости содержания солдата, драгуна и офицера. Через несколько дней предпочтено было распределение по душам, «работным персонам», и Сенат, толкуя указ Петра, 26 ноября 1718 г. предписывал перечислить все сельское пахотное население мужского пола, всех «не обходя от старого до самого последнего младенца» [Там же. С. 125].

Итак, идеи и практики монетарного социального порядка Петру I были не нужны, но нельзя сказать, что в Англии он интересовался исключительно технологиями. Он проявлял большой интерес и к церковным делам, причем он «не ограничивался рамками государственной Англиканской церкви. Англичане думали, что «если кто-то перенимает новые приемы кораблестроения, почему бы ему не перенять и новую веру? <...> Нельзя ли обратить в новую веру юного монарха, а через него и весь его простодушный народ? Нельзя ли, по крайней мере, создать унию Англиканской и Православной церквей?» [Масси, 2015. С. 324]. Были предприняты практические шаги в этом направлении: «По воле короля и архиепископа один из ведущих представителей духовенства Англии, епископ Солсберийский Джилберт Вернет отправился к царю, «чтобы предоставить ему все сведения о нашей религии и церковных установлениях, какие он пожелает получить» <...> они встречались затем несколько раз и беседовали часами, но епископ, чьей задачей было наставлять и убеждать Петра, нашел, что шансы обращения царя в новую веру равны нулю. Он был лишь первым из множества русских, чей интерес к заимствованию западных технологий наивные европейцы расценили как возможность заодно экспортировать западную философию и идеи. Между тем интерес Петра к протестантизму носил характер чисто познавательный. Царь, настроенный скептически в отношении любой религии, не исключая и православия, искал в ритуале и догматах каждой веры то, что могло оказаться полезным для него или его государства» [Там же. С. 325].

Английская Славная революция произошла не только из-за страха буржуазии перед возможным повторением дефолта по королевским долгам, она имела также и идеологические причины. Дело в том, что и Карл II и его приемник Яков II были католиками, а влиятельные английские круги не хотели обращения страны в католичество [Carruthers, 1990], которое всячески прославляло бедность, порицало богатство и относилось отрицательно к банковскому проценту. Оно устанавливало также, что путь в рай открыт только тем, кто не делает зла другим. Протестантство же внушало им, что обогащение угодно Богу и что в рай после смерти можно попасть независимо от своего поведения при жизни. Это конечно устраивало тех, кто создавал тяжелые условия существования своим рабочим и кто готов был разорить своих конкурентов. Все это совершенно не нужно было Петру и православная версия христианства вполне ему подходила. Она, по крайней мере, не ставила под сомнение божественное происхождение его власти. Не без помощи русской православной церкви, среди русского народа была распространена идеология крепостного права: «По идеологии права крепостного строя, земля всегда была царской, т.е. государственной.

Царь предоставлял землю крестьянам, а затем предоставлял крестьян с землей (или землю с крестьянами) дворянам. Крестьяне должны были кормить дворян для того, чтобы те могли служить царю. А дворяне должны были служить царю, их служба была повинностью их сословия и согласно идеологии крепостного строя на ней только и основывалось право дворянства на то, чтобы его кормили живущие на земле крестьяне — т.е., по сути дела, право «владеть» землей» [Леонтович, 1995. С. 220]. Удар по этой идеологии, который, в конечном счете, привел к революции 1917 г., был нанесен Екатериной II: «Крестьянство никогда не признавало либеральной революции Екатерины, т.е. произведенное посредством Жалованной Грамоты 1785 г. превращение дворянских поместий в частную собственность. Тем не менее оно не могло не признать, что это означало, до некоторой степени, превращение самих крестьян в собственность помещика» [Там же].

Отмена крепостного права в 1861 году в пользу помещиков с недостаточным надделением крестьян землей, сделало революции 1905 и 1917 гг. неизбежными: «По мнению крестьян, освобождение состояло в том, что они избавлены от барщины и от оброка, и это представлялось им вполне логичным и справедливым: ведь господ давно уже освободили от обязательной службы, еще с 1762 или с 1785 г. Если же они после этого добровольно вступали на государственную службу, то за это получали жалование наличными и поэтому не нуждались более в том, чтобы крестьяне их кормили. Но в отношении правового положения земли ничто не изменилось. Все было по-прежнему. Земля принадлежала царю, крестьянин ее обрабатывал и поэтому, вполне естественно, государство предоставляло крестьянину землю» [Там же. С. 221]. Этим укорененным среди русских крестьян, составлявших в начале XX в. 80% населения, убеждением и воспользовались большевики, обещав поделить между ними всю помещичью землю, что обеспечило им победу в гражданской войне.

Николай Бердяев о русском коммунизме

Привлечь большинство русского народа на свою сторону удалось большевикам не только путем обещания передачи им помещичьей земли, но и идеей построения коммунистического рая в России и дальнейшего его распространения по всему миру. Вот, что пишет по этому поводу Н. Бердяев: «После падения Византийской империи, второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское, московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ единственный носитель православной веры. Инок Филофей был выразителем учения о Москве, как Третьем Риме. Он писал царю Ивану III: «Третьего нового Рима — державного твоего царствования — святая соборная апостольская церковь — во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое царство: один ты во всей поднебесной христианский царь. Блюди же, внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется». Доктрина о Москве, как Третьем Риме, стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определилась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно также и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться и исповеданием ортодоксально-коммунистической веры» [Бердяев, 1990. С. 9].

Глубоко веря в детстве в мессианскую коммунистическую идею, будучи внуком ответственного сотрудника аппарата Коминтерна, а также общаясь с бывшими француз-

скими коммунистами моего возраста, я могу засвидетельствовать достоверность и глубину нижеприведенного анализа Бердяева: «Русский народ не осуществил своей мессианской идеи о Москве, как Третьем Риме. Религиозный раскол XVII века обнаружил, что московское царство не есть Третий Рим. Менее всего, конечно, петербургская империя была осуществлением идеи Третьего Рима. В ней произошло окончательное раздвоение. Мессианская идея русского народа приняла или апокалиптическую форму, или форму революционную. И вот произошло изумительное в судьбе русского народа событие. Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют унижительную роль. Они не понимают, что, присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание. Я слышал, как на французском коммунистическом собрании один французский коммунист говорил: «Маркс сказал, что у рабочих нет отечества, это было верно, но сейчас уже не верно, они имеют отечество — это Россия, это Москва, и рабочие должны защищать свое отечество». Это совершенно верно и должно было бы быть всеми осознано. Произошло то, чего Маркс и западные марксисты не могли предвидеть, произошло как бы отождествление двух мессианизмов, мессианизма русского народа и мессианизма пролетариата. Русский рабоче-крестьянский народ есть пролетариат, и весь мировой пролетариат, от французов до китайцев, делается русским народом, единственным в мире народом. И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом». [Там же. С. 117–118].

Цитируемая здесь книга Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» была впервые опубликована в 1937 г.⁷ Анализ двадцати лет существования советской России привел Бердяева к следующему выводу: «Русское коммунистическое государство есть единственный сейчас в мире тип тоталитарного государства, основанного на диктатуре мирозерцания, на ортодоксальной доктрине обязательной для всего народа. Коммунизм в России принял форму крайнего этатизма, охватывающего железными тисками жизнь огромной страны, и это к сожалению вполне согласно со старыми традициями русской государственности. Старая русская автократическая монархия имела корни в религиозных верованиях народа, она себя сознавала и оправдывала, как теократию, как священное царство. Новое русское коммунистическое государство тоже автократично и тоже имеет корни в верованиях народа, в новых верованиях рабоче-крестьянских масс, оно тоже сознает себя и оправдывает, как священное царство, как обратную теократию. Старая русская монархия покоилась на ортодоксальном мирозерцании, требовало согласия с ним. Новое русское коммунистическое государство тоже покоится на ортодоксальном мирозерцании и требует еще с большей принудительностью и согласия с ним. Священное царство всегда есть диктатура мирозерцания, всегда требует ортодоксии, всегда извергает еретиков. Тоталитарность, требование целостной веры, как основы царства, соответствует глубоким религиозно-социальным инстинктам народа» [Там же. С. 117].

А вот как Бердяев характеризует советское промышленное развитие: «Пятилетний план, столь поражающий многих людей Запада, есть очень элементарная и прозаическая вещь. Россия страна индустриально отсталая. Необходимо во что бы то ни стало ее индустриализовать. На Западе это происходило под знаком капитализма — и так должно быть

⁷ Книга вначале в 1937 г. была опубликована на английском языке и только в 1955 г. в Париже на языке оригинала (русском языке).

по Марксу. Но в России индустриализация должна проходить под знаком коммунизма. *При коммунистическом режиме это можно сделать лишь создав энтузиазм индустриализации, превратив ее из прозы в поэзию, из трезвой реальности в мистику, создав миф о пятилетке* (курсив мой. В.Е.). Но все это происходит не только при помощи энтузиазма, поэзии, мистики и мифотворчества, но и путем террора и Г.П.У. *Народ поставлен в крепостную зависимость по отношению к государству. Коммунистический строй переходного периода есть строй крепостной* (курсив мой. В.Е.). Вопреки Марксу и буржуазной политической экономии, я думаю, что промышленное развитие вполне возможно и при коммунизме. *И при старом режиме капиталистическая промышленность в России развивалась понуждением правительства* (курсив мой. – В.Е.). Неотвратимые экономические законы — выдумка буржуазной политической экономии. Таких законов не существует» [Там же. С. 119].

Бердяев констатирует, что в царской России был крайне редок адекватный человеческий материал для буржуазного пути промышленного развития. В советской России оно осуществлялось путем замены в мотивации труда личного интереса социальным служением: «Для индустриализации России под коммунистическим режимом нужна новая мотивация труда, новая психическая структура, нужно, чтобы появился новый коллективный человек. Для создания этой новой психической структуры и нового человека русский коммунизм сделал огромное усилие. Психологически он сделал больше завоеваний, чем экономически. *Появилось новое поколение молодежи, которое оказалось способным с энтузиазмом отдаться осуществлению пятилетнего плана, которое понимает задачу экономического развития не как личный интерес, а как социальное служение. В России это легче было сделать, чем в странах Запада, где буржуазная психология и капиталистическая цивилизация пустили глубокие корни. Даже русский купец старого режима, который наживался нечистыми путями и делался миллионером, склонен был считать это грехом, замаливал этот грех и мечтал в светлые минуты о другой жизни, например, о странничестве или монашестве. Поэтому даже этот купец был плохим материалом для образования буржуазии западно-европейского типа* (курсив мой. – В.Е.) [Там же].

По Бердяеву Сталин является продолжателем дел Петра I: «Пятилетний план не осуществляет все-таки царства социализма, он осуществляет государственный капитализм. Высшей ценностью признаются не интересы рабочих, не ценность человека и человеческого труда, а сила государства, его экономическая мощь. Коммунизм в период сталинизма не без основания может представляться продолжением дела Петра Великого. Советская власть есть не только власть коммунистической партии, претендующей осуществить социальную правду, она есть также государство и имеет объективную природу всякого государства, она заинтересована в защите государства и в его экономическом развитии, без которого власть может пасть» [Там же. С. 120].

В своей книге Бердяев проявляет необыкновенную прогностическую способность. Приходится просто удивляться его ясновидению в области предвидения эволюции советского общества. Это касается, во-первых, развития в СССР тенденций шкурничества, а во-вторых, опасных последствий падения советской власти. Вот, что он пишет относительно первого: «Возможно даже, что буржуазность в России появится именно после коммунистической революции. Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам. *Но опасность обуржуазивания очень сильна в советской России. На энтузиазм коммунистической молодежи к социалистическому строительству пошла религиозная энергия русского народа. Если эта религиозная энергия иссякнет, то иссякнет и энтузиазм и появится шкурничество, вполне возможное и при коммунизме*» (курсив мой. – В.Е.) [Там же. С. 119–120]. Ну а последствия падения советской власти он прозорливо видел следующим образом: «Идеологически я отношусь отрицательно к советской власти. Эта власть, запятнавшая себя жестокостью и бесчеловечием, вся в крови, она держит народ в страшных тисках. Но в данную минуту это единственная власть,

выполняющая хоть как-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей. *Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляла бы даже опасность для России и грозила бы анархией* (курсив мой. – В.Е.) [Там же. С. 120].

Ну и, наконец, вот, что он пишет о патриотизме: «В России вырастает не только коммунистический, но и советской патриотизм, который есть просто русский патриотизм. *Но патриотизм великого народа должен быть верой в великую и мировую миссию этого народа, иначе это будет национализм провинциальный, замкнутый и лишенный мировых перспектив. Миссия русского народа сознается, как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире* (курсив мой. – В.Е.). И это согласно с русскими традициями. Но ужасно, что опыт осуществления социальной правды ассоциируется с насилием, преступлениями, жестокостью и ложью, ужасной ложью» [Там же. С. 120–121].

Каким был экономический порядок в СССР?

Октябрьскую революцию 1917 г. можно рассматривать как попытку полного пересмотра социального порядка царской России, однако всего через какой-то десяток лет, по крайней мере в аграрной сфере, произошел, по существу, возврат к крепостному праву⁸. Сразу после революции основа дореволюционного порядка, а именно помещичье землевладение, была ликвидирована и земля помещиков была передана крестьянам. Исследования А.В. Чаянова, осуществленные в разных губерниях в 1910–1913 гг. выявили, что мотивации русских крестьян были не всемерное повышение благосостояния семьи и уж тем более не обогащение, а удовлетворение ее минимальных потребностей, ее выживание. Результаты бюджетных обследований, проведенные им, показывают, что «объем хозяйства семьи зависит всецело от числа едоков, а отнюдь не от числа работников» [Чаянов, 1989. С. 241]. Русский крестьянин просто переставал работать после получения им необходимого ему и его семье прожиточного минимума. Эта же черта русских крестьян сохранилась и после революции. Период между Октябрьской революцией и коллективизацией является совершенно особенным в эволюции русской аграрной институциональной системы. Октябрьская революция дала русским крестьянам то, что они требовали в течение веков. Социализации и перераспределению подверглись не только земли помещичьи, государственные, удельные, монастырская, церковные, но и земли крестьян-единоличников. Произошло «возрождение общины, которая к 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5% крестьянских земель», и «осереднячивание» крестьянских хозяйств, натурализация производства, ослабление рыночных связей и преодоление – в значительной мере – социально-экономического расслоения деревни» [Данилов, 1992. С. 319]. В этих условиях производство товарного зерна было очень низким, а ведь зерно было в то время чуть ли не единственным ресурсом, который пользовался спросом на Западе и от продажи которого там можно было приобрести машины и оборудование для индустриализации страны.

Автором советского социального порядка был, безусловно, Сталин. При его создании ставилась та же задача, которая в Англии при Вильгельме III была решена путем перехода на монетарный социальный порядок, а в России эпохи Петра I путем усиления закрепощения крестьян. Это – задача обеспечения армии и флота всем необходимым, которая была невозможна без индустриализации и усиленного развития оборонной промыш-

⁸ Содержание этого раздела статьи частично основывается на [Yefimov, 2003; Ефимов, 2009; 2010; 2015; 2016a].

ленности. Сталин объясняет необходимость коллективизации в своей беседе со студентами Института красной профессуры Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. опубликованной 2 июня 1928 г. в газете «Правда» под названием «На хлебном фронте». В ней Сталин указывает на нетоварный характер середняцких крестьянских хозяйств как на причину трудностей снабжения городов хлебом. Для своих объяснений Сталин использует таблицу, предоставленную ему В.С. Немчиновым, бывшим в то время членом коллегии ЦСУ. «О чем говорит эта таблица?» – спрашивает Сталин и сам же отвечает на этот вопрос. – «Она говорит, во-первых, о том, что производство подавляющей массы хлебных продуктов перешло от помещиков и кулаков к мелким и средним крестьянам. Это значит, что мелкие и средние крестьяне, освободившись вовсе от помещичьего гнета и подорвав, в основном, силу кулачества, получили возможностью серьезнейшим образом улучшить свое материальное положение. Это — результат Октябрьской революции. В этом сказывается, прежде всего, тот решающий выигрыш, который получили основные массы крестьянства от Октябрьской революции. Она говорит, во-вторых, о том, что основными держателями товарного хлеба являются у нас мелкие и, прежде всего, средние крестьяне. Это значит, что не только с точки зрения валовой продукции хлеба, но и с точки зрения производства, товарного хлеба СССР стал, в результате Октябрьской революции, страной мелкокрестьянского хозяйства, а середняк – “центральной фигурой” земледелия. Она говорит, в-третьих, о том, что ликвидация помещичьего (крупного) хозяйства, сокращение кулацкого (крупного) хозяйства более чем втрое и переход к мелкому крестьянскому хозяйству, представляющему лишь 11 процентов товарности, при отсутствии сколько-нибудь развитого крупного общественного хозяйства в области хлебного производства (колхозы, совхозы) должны были привести и действительно привели к резкому сокращению производства товарного хлеба по сравнению с довоенным временем. Это факт, что мы имеем теперь вдвое меньше товарного хлеба, несмотря на наличие довоенной нормы валовой продукции хлеба» [Сталин, 1952. С. 194–195].

То, на что обратил внимание Сталин, можно рассматривать как важную часть «социального гена» русского крестьянского хозяйства как социального института. После укрупнения за счет помещичьей земли своих хозяйств крестьянские семьи стали больше производить, просто чтобы больше потреблять, но не для того, чтобы продавать и богатеть. Конечно, сыграли свою роль в их нежелании увеличивать объемы своего производства также и неблагоприятное для крестьян соотношение цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и их страх попасть в категорию кулаков. «Выход — по Сталину — состоит, прежде всего, в том, чтобы перейти от мелких, отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба. Выход – в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии» [Там же. С. 196]. С самого начала колхозы не имели ничего общего с кооперативами, однако миф, созданный Сталиным, оказался в течении длительного времени очень живучим. Коллективизация, переход к колхозам означали, по существу, новое закрепощение русского крестьянства.

Советская система сельского хозяйства, как она была установлена под руководством Сталина и просуществовала несколько десятилетий, не была результатом какого-то детально продуманного проекта, а была нащупана Сталиным по результатам первых экспериментов коллективизации. По-видимому, первоначальный замысел коллективизации состоял в обобществлении всех элементов крестьянских хозяйств, однако сопротивление этому со стороны крестьян было слишком сильным. Кроме того, прагматические цели коллективизации, а именно производство и изъятие для целей индустриализации необходимого количества зерна, не требовали этого. В своей статье, озаглавленной «Головокружение от успехов», опубликованной в газете «Правда» 2 марта 1930 г. Сталин ставит вопрос, каким должно быть основное звено в построении колхозной системы. После последова-

тельного исключения товариществ по совместной обработке земли и сельскохозяйственных коммун, он утверждает, что: «Артель является основным звеном колхозного движения потому, что она есть наиболее целесообразная форма разрешения зерновой проблемы <...> Известно, что в ряде районов СССР, где борьба за существование колхозов далеко еще не закончена и где артели еще не закреплены, имеются попытки выскочить из рамок артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне. Артель еще не закреплена, а они уже «обобществляют» жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, причем «обобществление» это вырождается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет еще налицо условий, делающих необходимым такое обобществление <...> Дразнить крестьянина-колхозника «обобществлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не разрешена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, – разве не ясно, что такая «политика» может быть удобной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?» [Там же. С. 334, 335].

Модель, которую нашел Сталин, а именно колхоз-артель, была вполне действенной как с точки зрения предъявляемых к ней требований со стороны государства, так и достаточно жизнеспособной, так как обеспечивала физическое выживание крестьян и воспроизводство их рабочей силы. В рамках этой модели обобществлению подлежали все полевые наделы крестьян, приусадебные же участки (по-старому, приусадебная оседлость) оставались в пользовании крестьянских семей. В собственности крестьян оставались жилые постройки, частью которых были помещения для скота, сам скот и птица. На объединенных наделах крестьяне, работая «за палочки», т.е. трудодни, которые либо вообще никак не оплачивались, либо имели мизерную натуральную компенсацию, фактически отбывали барщину для государства. На своих же приусадебных участках крестьянские семьи производили в основном для своего собственного потребления растениеводческую продукцию, прежде всего картофель и овощи. Общинные сенокосы и пастбища в этой модели были отданы также в пользование крестьян для кормления их личного скота. Длительное время колхозники были обязаны также кроме «барщины» платить государству натуральный «оброк» продуктами животноводства, произведенными в своих личных хозяйствах (мясо, молоко, масло, яйцо, шерсть и т.п.). *Эта система не была чем-то совершенно новым для русских крестьян, ведь отмена крепостного права произошла для них относительно недавно и его черты наверняка были сохранены крестьянской социальной памятью. Не было для них новым и то, что, как и крепостным, колхозникам вплоть до конца 1974 г. было запрещено покидать свои колхозы.* Таким образом Сталин отказался от идеи пролетаризации русского крестьянства и тем самым снял с государства ответственность за их выживание, что в случае пролетаризации ему пришлось бы сделать.

Наряду с колхозом/совхозом⁹ и личным подсобным хозяйством, другим важным институтом советской системы сельского хозяйства было районное руководство. До ликвидации КПСС это был райком. В отличие от промышленности, которой КПСС (ее высшие руководители) управляли через министерства, сельским хозяйством партия управляла непосредственно. Главным действующим лицом, принимающим как стратегические так и оперативные решения по управлению колхозами и совхозами, был первый секретарь райкома. В его руках были решения по кадрам (снять/назначить руководителей хозяйств и чиновников районного управления сельского хозяйства), специализации, посевным площадям, поголовью, срокам сельхозработ и пр. Первый секретарь по существу стал выполнять роль не только наместника центральной власти, но и управляющего «имением» помещика-государства. В конце 50-х – начале 60-х годов советская система сельского хозяйства стала отходить от своей классической сталинской модели, при которой из села почти все забирали, а селу почти ничего не давали. Селу стали давать и давать много, в 70-е годы

⁹ По крайней мере, начиная с 70-х годов существенной разницы между колхозами и совхозами уже не было.

доля капитальных вложений в сельское хозяйство доходила до 30% от всех инвестиций страны. Колхозникам дали паспорта и стали платить заработную плату. Только ни крупные инвестиции, ни щедрые дотации не приносили ожидаемых результатов, продуктивность оставалась низкой, а об экономических результатах и говорить не приходится.

Сначала колхозы создавались на базе деревень и они были относительно небольшими. Задача управления колхозами на этом этапе была достаточно простой: обеспечить выполнение «первой заповеди» – сдать хлеб государству. Но тогда, когда в село потекли ресурсы, потребовался более детальный контроль за их использованием. Первый секретарь райкома должен был уже чуть ли не каждый день быть на связи со всеми руководителями хозяйств района. Если их больше 25–30, то такая задача для первого секретаря становится почти непосильной. Укрупнение хозяйств, т.е. увеличение их размера и тем самым уменьшение их количества в районе, было вызвано прежде всего этой причиной¹⁰. В колхозно-совхозной системе именно необходимость жесткого административного контроля руководителей хозяйств со стороны первого секретаря райкома и психофизиологические способности человека, исполняющего эту роль определили размер сельскохозяйственного предприятия, а не критерий наибольшей экономической эффективности – рентабельности. Сельский район стал третьим важнейшим институтом в советском варианте русской аграрной институциональной системы. Именно сельский район и стал фактическим советским сельскохозяйственным предприятием, а не колхозы/совхозы, которые, по существу, были его «цехами».

Промышленность и строительство управлялись в СССР совсем по-другому, а именно через централизованное планирование и распределение материальных ресурсов. КПСС осуществляла надзор над этим планированием и распределением через отраслевые отделы ЦК КПСС и свои областные комитеты. Советская экономическая система пыталась максимально исключить взаимодействия юридических и физических лиц между собой, а планировать материальные потоки из центра на основе так называемого балансового метода до конца так и не удалось сделать. Ей это удавалось только на начальном этапе индустриализации и в условиях войны, когда количество управляемых объектов (заводов) было небольшим и номенклатура выпускаемой в них продукции была невелика. Кроме того, важным условием для этого был рабский (ГУЛАГ и «шарашки») и полу-рабский (колхозная деревня) труд. Как только эти условия исчезли, наличие интенсивных взаимодействий экономических акторов стало в советской экономике неизбежным.

Важнейшими параметрами функционирования советской экономической системы (центральными элементами «народно-хозяйственных планов») были объемы производства и так называемые фонды, то есть право на покупку, а на самом деле получение ресурсов у предприятия производителя, так как деньги под фонды всегда выделялись. С 1975 по 1984 г., посещая различные предприятия и учреждения, я был невольным свидетелем различных проявлений централизованного планирования и распределения ресурсов. Нужно сказать, что информацию о том, как реально функционирует советская экономика было не так-то просто раздобыть: учебники и монографии содержали информацию не о том, как все происходит на самом деле, а как должно быть. А так как реальное планирование и распределение ресурсов происходило не по учебникам и даже не по методикам, то акторы, ощущая нечто вроде чувства вины, а иногда и просто опасности, не очень-то этой информацией делились. Однако кое-что можно было понять и исходя из простого наблюдения.

Так, посещая Госплан СССР, я увидел, что работа в нем происходит не только и может быть не столько в кабинетах, сколько в коридорах, которые были в его здании, сейчас занятым Государственной Думой Российской Федерации, очень широкими и в кото-

¹⁰ В Самарской области в 1996 г. ни в одном из районов количество хозяйств не превзошло 25 и равнялось 25 в трех (Кошкинском, Сергиевском и Ставропольском). Это правило легко проверяется по областной, республиканской и всесоюзной статистике 80-х годов.

рых были установлены длинные столы с многочисленными стульями. За этими столами периодически можно было увидеть массу людей, работавших с объемной документацией, разложенной на столах. Можно было догадаться, что это люди с мест, которые защищают в кабинетах планы для своих предприятий, а потом, получив замечания, выходят из кабинетов, чтобы их скорректировать. Эти сцены дали мне понимание того, что на самом деле советское планирование и распределение ресурсов не было таким уж централизованным. Однажды, прибыв накануне Нового года в город Липецк на Новолипецкий металлургический завод, я вдруг обнаружил, что гостиницы города переполнены, чего я не наблюдал раньше при своих многочисленных посещениях этого завода. Осведомившись, я узнал, что они набиты так называемыми толкачами, жаждущими отоварить неиспользуемые пока фонды на стальной лист, выпускаемый заводом. Прибыл я в город 30 декабря, а через два дня эти драгоценные фонды, т.е. документы дающие право на получение этих вожделенных, остро дефицитных ресурсов, превращались в простые бумажки. Стальной лист важно было получить не только для использования в собственном производстве, но и как «валюту» для бартерного обмена на действительно нужные предприятию ресурсы.

Сцена коридора Госплана в любой рабочий день и липецкой гостиницы в последние календарные дни года дают нам ключ к пониманию функционирования советской экономической системы. Если эти сцены дополнить информацией липецкой газеты о том, что секретарша начальника отдела сбыта завода была арестована милицией на городском рынке при продаже польской косметики, а при обыске на ее квартире был обнаружен целый склад этой косметики, то картина функционирования советской экономической системы будет полной. Секретарша могла ускорить или замедлить подписание документов на отправку стального листа потребителю и это могло быть решающим для его реального получения, особенно при приближении конца года, отсюда и дары толкачей.

Автор советского социального порядка Сталин на селе восстановил крепостной строй, а в городе разновидность общинной системы, которая существовала в России многие века. Все советские организации действовали не только и может быть не столько как место работы и получения доходов, а как социальные ячейки, контролируемые партией через партийные ячейки организаций.

Социальные ячейки и сети в СССР¹¹

Организации в советском обществе играли специфическую роль первичных социальных ячеек. В отличие от организаций в капиталистических странах, люди в советских организациях «не только (а может быть — не столько) трудятся, но и (сколько) проводят время в обществе хорошо знакомых людей, обмениваются информацией, развлекаются, предпринимают многочисленные действия, сохраняющие и улучшающие их положение, осуществляют контакты с людьми, от которых зависит их благополучие, посещают многочисленные собрания, получают путевки в дома отдыха, получают жилье, а порой и дополнительные продукты питания (в связи с постоянными продовольственными трудностями это весьма существенно). Здесь они повышают свою квалификацию и получают всякого рода звания, удостоверяющие это. Здесь они занимаются в художественной самодеятельности и спортом, не говоря уж о кружках политического образования. Здесь они занимаются общественной работой. Здесь их вовлекают в различного рода массовые мероприятия (демонстрации, встречи и проводы важных персон, праздники, вечера отдыха, туристические походы и поездки). Тут происходит не просто реализация абстрактной схемы, а жизнь в самом точном смысле слова с ее радостями и горестями, удачами и неудачами, жизнь,

¹¹ Основные идеи этого раздела статьи заимствованы из [Yefimov, 2001].

полная страстей и драматизма. Именно эта реальная жизнь должна быть в первую очередь принята во внимание при научном описании коммунизма. Но именно ее игнорируют почти все, пишущие и говорящие о коммунизме. Предпочитают говорить о вещах, которые производят большой внешний эффект (репрессии, отсутствие гражданских свобод), но которые почти не существуют практически для людей, живущих на уровне первичного коллектива. Если здесь эти проблемы и возникают, то лишь для того, чтобы коллектив осудил инакомыслящих и выразил поддержку властям» [Зиновьев, 1981. С. 67].

Деньги, которые работники организации получали в ней в качестве заработной платы, позволяли им приобрести только часть потребляемых ими благ. Значительная часть благ работники организации получали как члены этой первичной социальной ячейки. Получение это происходило на базе определенных властных отношений: «В своей деловой ячейке граждане имеют дело с административной (деловой) властью, партийной властью (включая комсомольскую) и властью коллектива (включая профсоюзную организацию). Подавляющее большинство сотрудников коллектива так или иначе само участвует в этой системе власти. И хотя административное руководство назначается свыше, а партийное руководство отбирается и одобряется высшими партийными органами, власть на уровне первичных коллективов есть подлинное самовластие. Для большинства граждан общества жизнь вообще ограничивается уровнем первичных коллективов, так что для них власть как нечто актуальное предстает прежде всего в этом облике самовластия. Власть здесь не воспринимается как насилие. Даже высшие руководители коллектива не противостоят здесь рядовым сотрудникам так, как это имеет место в случае противостояния хозяев предприятий и наемных рабочих, владельцев земли и батраков или крепостных. Они здесь суть члены коллектива. Они могут иметь перспективы подняться выше и тем самым противопоставить себя коллективу как нечто внешнее и вышестоящее. Но пока они в данном коллективе, они тут свои люди» [Там же. С. 85–86].

В делиберациях, то есть обсуждениях, нацеленных на принятие решений, в советском обществе участвовала, как и в капиталистическом, достаточно узкая прослойка людей. Хотя разнообразные партийные, комсомольские и профсоюзные собрания, в которых участвовали рядовые работники, были очень многочисленны, они никак не могут быть причислены к делиберациям. Напротив, именно так иногда могли быть охарактеризованы собрания руководящих работников: «Руководящие сборища весьма разнообразны... — заседания партийных, профсоюзных и комсомольских бюро, бюро районных и областных комитетов партии и т.д... Только в случае полного незнания фактического положения дел можно думать, будто такие сборища суть чистая фикция, будто все дела решают отдельные лица, а остальные только голосуют. Безусловно, такие сборища готовятся заранее, — это элемент самой процедуры их деятельности. Все заранее может быть согласовано, и сборище может принять решение чисто формально. Но не всегда так бывает. На самом деле бывают деловые обсуждения, споры и конфликты. Но если бы даже дело ограничивалось чисто формальным принятием решения, это не было бы излишней фикцией. Сам факт формального одобрения некоего предложения, сам факт принятия решения данным сборищем играет роль весьма существенную: он придает законную силу намерениям отдельных лиц или групп лиц провести какое-то мероприятие. Именно эта формальная роль сборищ, кажущаяся на первый взгляд фиктивной, является на самом деле главной их социальной функцией. А обсуждение есть лишь нечто подсобное и производное» [Там же. С. 98].

Советская система централизованного планирования состояла в распределении ресурсов между различными ячейками. С увеличением масштаба и сложности советской экономики такое распределение не могло обеспечить потребности ячеек (для одних ячеек некоторые ресурсы были распределены в избыточном объеме, а для других ячеек выделенные ей ресурсы были меньше ее в них потребности). Эта ситуация вызвала у руководителей, и у некоторых членов ячеек необходимость начать создание неофициальных горизонтальных

связей с тем, чтобы заполнить пробелы централизованной системы. Одновременно некоторые члены ячеек, начиная с 1960-х, начали чувствовать, что ячейки не обеспечивали их ресурсами, которые смогли бы удовлетворить их личные потребности. Они тоже стали создавать свои собственные неофициальные горизонтальные связи, для того чтобы увеличить свои возможности потребления. Таким образом, были созданы первые сети. Каждый участник сети должен был иметь 'капитал', который мог заинтересовать членов сети. В Советском Союзе, в системе ячеек, каждый человек имел 'капитал', который соответствовал его членству в определенной ячейке и его положению в ней. Так как в Советском Союзе деньги не играли центральной роли, то значительные материальные ресурсы и услуги циркулировали в сетях. В определенном смысле горизонтальные сети пытались частично компенсировать отсутствие платежных сообществ. Члены горизонтальной сети оказывались как бы «должны»¹² всем остальным членам этой сети оказывать, в рамках имеющихся ресурсов, услуги. Кроме горизонтальных социальных сетей в стране существовали также и вертикальные сети. В горизонтальных сетях контакты устанавливаются между людьми более-менее одинакового социального статуса. Напротив, вертикальные сети образуются между «патроном» и людьми более низкого, чем он, социального статуса («клиентелой»)¹³ и которые ищут у патрона защиты и поддержки. В советский период вертикальные сети играли меньшую роль, чем горизонтальные. Значение их резко возрастает в 90-е годы, а с начала XXI в. все российское государство, по существу, было преобразовано на основе принципа вертикальных сетей¹⁴.

Социальные сети, как и ячейки, представляют собой совокупности людей, однако вхождение в них внешних по отношению к ним людей совершенно различны. Чтобы человек мог стать членом ячейки, он должен быть принят всей ячейкой (единогласно всеми членами ячейки, большинством ее членов, или по решению блока управления ячейки). Напротив, чтобы человек мог стать членом горизонтальной социальной сети достаточно, чтобы он имел доверительный контакт с одним из ее членов. Именно через этот доверительный контакт он и получает доступ к другим членам социальной сети. Кроме того, члены ячейки полностью от нее зависят. Большая часть деятельности членов ячейки находится под контролем этой ячейки (ее членов или ее управляющего блока). В горизонтальных сетях такой полной зависимости не существует. Человек не может принадлежать к нескольким ячейкам одновременно. Зато один и тот же человек может входить в несколько сетей. Другая особенность ячеек заключается в том, что они соответствуют определенным экономическим единицам, и члены одной и той же ячейки привязаны к официальной организации. Члены же социальной сети могут быть связаны с различными экономическими единицами. Так как ячейки существуют внутри формальных организаций и в определенном смысле совпадают с ними, то взаимодействия внутри ячеек сильно регулируются, и большинство из

¹² Для усиления аналогии с платежным сообществом (понятие, введенное Г. Кнаппом, см. часть 1 этой статьи) я использую здесь термин «должны» вместо, например, «обязаны».

¹³ Термины «патрон» и «клиентела», а также реальности, обозначаемые этими терминами, существовали в Древнем Риме: «Клиентела — форма социальной зависимости, возникшая в период разложения родового и складывания раннеклассового строя в древней Италии у латинов, сабинов и этрусков. Обедневшие сородичи и бесправные завоеванные или пришлые жители формирующихся полисов индивидуально либо коллективно, ища покровительства патронов из богатой знати, становились их клиентами. Клиенты получали родовое имя патронов, а также земельный надел, обязуясь нести в их пользу разные повинности, прежде всего военную. Узы клиентелы считались священными и нерушимыми. Особенно развились отношения клиентелы в Древнем Риме в связи с ростом рабовладения и углублением социальных противоречий. В период республики клиентела распространилась на вольноотпущенников, значительную часть римского плебса и на целые общины Италии и провинций, зависимые от Рима, и продолжала существовать в эпоху империи» [Куланж де, 2010, с. 115]. Английский историк Н. Хеншелл утверждает, что во Франции при правлении Людовика XIV «основным определяющим фактором политической жизни была клиентела. Она оказывала серьезное влияние на «абсолютизм». Институты центрального и местного управления представляли собой лишь структуры, внутри которых действовала система клиентелы» [Хеншелл, 2003. С. 57]. Это описание Хеншелла вполне может быть использовано для характеристики современной России.

¹⁴ Об этом речь пойдет в заключительном разделе.

этих взаимодействий должны быть разрешены блоком управления ячейки. В отличие от этого, правила взаимодействия внутри сетей являются более гибкими в отношении содержания и направления этого взаимодействия.

Советская правящая элита, как и предвидел Бердяев, постепенно обуржуазивалась. Вирус общества потребления проникал в ее среду очень быстро. Социальные слои, близкие к правящей элите (артисты, писатели, ученые и т.д.), были, в свою очередь, заражены этим вирусом. Поездки на Запад стали одним из самых ценных благ. Амбициозная цель строительства коммунизма в Советском Союзе и его расширение во всем мире больше не имели для них особого приоритета. Повышение уровня жизни элиты осуществлялось путем расширения системы распределения благ членам номенклатуры. Значительная часть номенклатуры и близких к ней лиц не удовлетворялась распределенными им благами, а участвовала в сетях обмена благ и услуг, иногда вне рамок законности, в том числе и путем коррупции. Традиции советского экономического законодательства заключались в том, что существующие законы имели мало или не имели вообще большого значения. Вместо этого доминирующую роль играли приказы и распоряжения различных уровней исполнительной власти. Приоритет власти над законом был важной чертой советского общества, и это приводило к неуважению законов. Нарушение законодательства гражданами, организациями и даже органами власти осуществлялось в большом масштабе. Воровство, коррупция и злоупотребление служебным положением были разрешены неофициально, если они не были осуществлены в очень больших масштабах. Должно ли определенное поведение быть квалифицировано как преступное или нет, решалось гибко в каждом конкретном случае начальством.

В 1992 году ячеечная советская система была официально отменена, хотя бывшие советские, в том числе и приватизированные предприятия продолжали некоторое время выполнять определенные функции ячеек, обеспечивая некоторые социальные услуги, несмотря на их огромные финансовые трудности. Приватизация предприятий кардинально не изменила ситуацию. Руководители, как владельцы, так и не владельцы, были вынуждены играть патерналистскую роль, отвечая на ожидания своих сотрудников по отношению к своим начальникам. Такой патернализм приводил к ограничению увольнений, которые были бы необходимы для реструктуризации предприятий, и сохранению социальных услуг, которые ранее ими предоставлялись. С другой стороны, этот патернализм, как ни парадоксально, сопровождался задолженностью по выплате заработной платы в течение нескольких месяцев. Поскольку работники предприятия продолжали его рассматривать в качестве ячейки, к которой они по-прежнему принадлежали, они продолжали работать в нем, не получая регулярной заработной платы. Эта ситуация, очевидно, не могла длиться вечно. Роль же сетей в первое постсоветское десятилетие намного возросла. Можно сказать, что механизмы функционирования российской экономики в эти годы были основаны на сетях, а в качестве важнейших методов взаимодействия использовали коррупцию и насилие. Эти сети имели три функциональных типа участников: предпринимателей, которые не очень принимали во внимание юридические законы и моральные ограничения; коррумпированных чиновников; и профессиональных преступников. Конкретные участники этих сетей могли выполнить сразу несколько из этих трех функций одновременно.

ЛИТЕРАТУРА

- Акерлоф Дж., Крэнтон Р.* (2011). Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М.: Карьера Пресс.
- Алексеев А.* (2018). Ум, нефть и совесть Что потеряла семья Нобель в России 100 лет назад // Коммерсантъ. www.kommersant.ru/doc/3656297.
- Афанасьев М.Н.* (2000). Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М.: МОНФ.

- Бердяев Н.А. (1990). Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука.
- Бовыкин В.И. (1999). Французские банки в России. Конец XIX – начало XX в. М.: РОССПЭН.
- Гамильтон У. Х. (2007). Институциональный подход к экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. № 2. С. 110–17.
- Голдман М. (2005). Пиратизация России. Новосибирск: ФСПИ «Тренды».
- Данилов В.П. (1992). Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. Т. Шанина и А.В. Гордона. М.: Прогресс-Академия.
- Донгаров А.Г. (1990). Иностраный капитал в России и СССР. М.: «Международные отношения».
- Драбкин Я.С. и др. (Отв. ред.) (1998). Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука.
- Дюкло Ж. (1973). Кто же они, коммунисты? М.: Политиздат.
- Ергин Д. (2017). Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина паблишер.
- Ефимов В. М. (2009). Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. № 1. С. 74–116.
- Ефимов В. М. (2010). Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // Вопросы регулирования экономики. № 3. С. 8–91.
- Ефимов В. М. (2015). Институциональный подход в экономической науке и к экономической науке. Часть II // Журнал институциональных исследований. Т. 7. № 4. С. 6–59.
- Ефимов В.М. (2016а). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М.
- Ефимов В.М. (2016б). Прошлое и будущее экономической науки с точки зрения прагматистской философии // Журнал экономической теории. № 3. С. 50–63.
- Зинн Г. (2006). Народная история США с 1492 года до наших дней. М.: Издательство «Весь Мир».
- Зиновьев А. (1981). Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф.
- Ключевский В.О. (1989). Собрание сочинений в девяти томах. Т. 6. М.: «Мысль».
- Кортунов С.В. (2009). Национальная идентичность. Постижение смысла М.: Издательство: Аспект Пресс.
- Крыштановская О. (2005). Анатомия российской элиты. М.: Захаров.
- Куланж Ф. де (2010). Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М.: Центрполиграф.
- Латур Б. (2006). Когда вещи дают отпор: возможный вклад « исследований науки » в общественные науки // Вахштайн В. С. (отв. ред.). Социология вещей. М.: Территория будущего. С. 342–366.
- Леонов Н.С. (2003). Крестный путь России 1991–2000. М.: Русский Дом.
- Леонтович В. В. (1995). История либерализма в России. 1762–1914. М.: Русский путь.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Соч. Изд. 2. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1961). Соч. Изд. 2. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Норт Д., Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Ослунд А. (1996). Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика.
- Пантелеев М. (2005). Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции. М.: ЯУЗА; ЭКСМО.
- Печатнов В.О. (2018). Бильдерберг: от рождения до зрелости (1959–1970-е годы) // Полис. Политические исследования. № 5. С. 167–183.
- Сакс Дж. Д. (2011). Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М.: Издательство Института Гайдара.
- Сталин И. (1952). Вопросы ленинизма. М. : Политиздат.
- Травин Д. и др. (2017). Российский путь. Идеи. Интересы. Институты. Иллюзии. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Уткин А. (2006). Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, Эксмо.
- Фицпатрик Ш. (2011). Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века М.: РОССПЭН.
- Фридмен М. (1994). Методология позитивной экономической науки // THESIS. № 4. С. 20–52.
- Хеншелл Н. (2003). Миф абсолютизма. СПб.: Алетейя.
- Чаянов А.В. (1989). Крестьянское хозяйство. М.: Экономика.
- Черчилль У. (2016). Как я воевал с Россией. М.: Алгоритм.
- Черчилль У. (2018). Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. М.: Альпина нон-фикшн.
- Чумаков В. (2011). Демидовы. Пять поколений металлургов России. М.: ЛитРес.
- Шаталин С.С., Гайдар Е.Т. (1989). Экономическая реформа: причины, направления, проблемы. М.: Экономика.
- Эрс Ж. (2014). Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. СПб.: ЕВРАЗИЯ.
- Юркин И.Н. (ред.) (2003). Тульские оружейники. М.: РОССПЭН.
- Bates D. (2014). Winston Churchill's 'bid to nuke Russia' to win Cold War - uncovered in secret FBI files // Daily Mail. 8 November. 2014. www.dailymail.co.uk/news/article-2826980/Winston-Churchill-s-bid-nuke-Russia-win-Cold-War-uncovered-secret-FBI-files.html.

- Carruthers B.G. (1990). Politics, Popery, and Property: A Comment on North and Weingast // *Journal of Economic History*. V. 50. No. 3. Pp. 693–698.
- IMF, IBRD, OECD, EBRD (1991). *A Study of the Soviet Economy*. Vols. 1, 2 and 3. Paris: OECD.
- Ffoulkes Ch. (2010). *Gun-Founders of England*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fried R.M. (1990). *Nightmare in Red. The McCarthy Era in Perspective*. NY: Oxford University Press.
- Goodman H. (2009). The Formation of the Bank of England: A response to Changing Political and Economic Climate, 1694 // *Penn History Review*. Vol. 17. No. 1. Pp. 10–30.
- Hale H.E. (2015). *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. NY: Cambridge University Press.
- Katusa M. (2015). *The Colder War: How the Global Energy Trade Slipped from America's Grasp*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.
- Kinvig C. (2006). *Churchill's Crusade. The British Invasion of Russia, 1918–1920*. NY: Hambledon Continuum.
- Lee F. (2009). *A History of Heterodox Economics: Challenging the Mainstream in the Twentieth Century*. London and New York: Routledge.
- Ransel D.L. (1975). *The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Schweizer P. (1994). *Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union*. NY: The Atlantic Monthly Press.
- Wright D. (2017). *Churchill's Secret War with Lenin. British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918 – 1920*. Solihull, West Midlands: Helion & Company Limited.
- Yefimov V. (2001). Structures sociales en Russie, cellules et réseaux // *Du socialisme à l'économie de marché. Errances de la transition*. Nouveaux Cahiers de l'IUUED, Collection Enjeux. No. 12. P. 29–52. books.openedition.org/iheid/2482?lang=fr.
- Yefimov V. (2003). *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan.

ЕФИМОВ Владимир Максович

vladimir.yefimov@wanadoo.fr

Vladimir Yefimov

Doctor of Economic Sciences (CEMI RAS), Doctor in Development Studies (University of Geneva), independent researcher, France

vladimir.yefimov@wanadoo.fr

ON TWO TYPES OF SOCIAL ORDERS. PART 2-1

Abstract. The second part of the article (2-1 и 2-2) is aimed at understanding of the current social order in Russia. The author comes from the fact that in order to understand the contemporary Russian social order, and in particular its genesis, it can in no case be considered in isolation from the world order, which, in its turn, is largely determined by the social order existing in Western countries and especially in the United States. The first part of the article was devoted to the Western social order, which I designated as the monetary social order. Although young Peter I arrived in England almost immediately after the emergence of the monetary social order in this country, his attention was drawn exclusively to the technological side of the modern material support of the army and navy. How such support is organized within the monetary social order he was not interested at all, because he knew that he could solve this problem on the basis of slave labor of serfs. In England, absolutism was undermined in particular by Protestantism, while in Russia the Orthodox Church successfully contributed to its stability. Pious Russian peasants deeply believed that their landowners serve the represent of God, and hence their duty to unquestioningly serve the landowners. Moreover, the concept of «Moscow – the Third Rome» adopted by the Russian people justified the messianic role of the Russian state and its orthodox people. Nikolai Berdyaev called the Soviet system the serfdom, and the concept of communism, the implementation of which on earth was aimed at the activities of the Third international, the continuation of the Russian messianism. The cold war, unleashed by the West against the USSR, can be seen as a response to this messianism. At the end of existence of the Soviet Union, horizontal social networks became important elements of its institutional structure. In the 1990s, vertical networks began to play an increasingly important role in Russia. In the first decade of the 21st century, the entire Russian state was essentially transformed on the basis of the principle of vertical networks.

Keywords: *serfdom, Russian messianism, the Soviet economic order, social networks.*

JEL Classification: F5, N4, P1, P2, P3, P4.

REFERENCES

- Bates D.* (2014). Winston Churchill's 'bid to nuke Russia' to win Cold War - uncovered in secret FBI files // Daily Mail, 8 November 2014. www.dailymail.co.uk/news/article-2826980/Winston-Churchill-s-bid-nuke-Russia-win-Cold-War-uncovered-secret-FBI-files.html
- Carruthers B.G.* (1990). Politics, Popery, and Property: A Comment on North and Weingast // *Journal of Economic History*. V. 50. No. 3. Pp. 693–698.
- IMF, IBRD, OECD, EBRD (1991). *A Study of the Soviet Economy*. Vols. 1, 2 and 3. Paris: OECD.
- Ffoulkes Ch.* (2010). *Gun-Founders of England*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fried R.M.* (1990). *Nightmare in Red. The McCarthy Era in Perspective*. NY: Oxford University Press.
- Goodman H.* (2009). The Formation of the Bank of England: A response to Changing Political and Economic Climate, 1694 // *Penn History Review*. Vol. 17. No. 1. Pp. 10–30.
- Hale H.E.* (2015). *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. NY: Cambridge University Press.
- Katusa M.* (2015). *The Colder War: How the Global Energy Trade Slipped from America's Grasp*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.
- Kinvig C.* (2006). *Churchill's Crusade. The British Invasion of Russia, 1918–1920*. NY: Hambledon Continuum.
- Lee F.* (2009). *A History of Heterodox Economics: Challenging the Mainstream in the Twentieth Century*. London and New York: Routledge.
- Ransel D.L.* (1975). *The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party*. New Haven, CT: Yale University Press
- Schweizer P.* (1994). *Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union*. NY: The Atlantic Monthly Press.
- Wright D.* (2017). *Churchill's Secret War with Lenin. British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–1920*. Solihull, West Midlands: Helion & Company Limited.
- Yefimov V.* (2001). Structures sociales en Russie, cellules et réseaux // *Du socialisme à l'économie de marché. Errances de la transition*. Nouveaux Cahiers de l'IUED, Collection Enjeux. No. 12. Pp. 29–52. books.openedition.org/iheid/2482?lang=fr.
- Yefimov V.* (2003). *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan.